

НИНА АРСЕНЬЕВНА АНТАНОВИЧ,
 доктор политических наук, профессор,
 заведующий кафедрой политологии юридического факультета
 Белорусского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА В ПОЛИТИКЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ XXI В.

Взаимодействие политики и морали, вопросы морального выбора в политике проблематизировались на протяжении всей истории политической мысли. Спектр трактовок указанного взаимодействия широк: от полной бескомпромиссности идеализированного понимания морали и необходимости следования ей политикам — к специфичности морального выбора в политике и политиками в силу ответственности за судьбы государств и народов, а также обладания монополией на принуждение и насилие, к прагматической трактовке морального выбора. Критерии нравственности в современной политике воплощают соответствие политического курса национально-государственным интересам и достижению национальной безопасности.

Ключевые слова: политика, мораль, моральный выбор, этика ответственности, глобальные политические трансформации XXI в.

N. A. ANTANOVICH

MORAL CHOICE IN POLITICS AND GLOBAL POLITICAL TRANSFORMATIONS OF THE 21ST CENTURY

The interaction between politics and morality, and questions of moral choice in politics, have been problematized throughout the entire history of political thought. The spectrum of interpretations of this interaction is broad: from the complete uncompromising nature of a purely idealized understanding of morality and the necessity for politicians to adhere to it, to the specificity of moral choice in politics and by politicians due to their responsibility for the fate of states and peoples, as well as their monopoly on coercion and violence, to a pragmatic interpretation of moral choice. The criteria of morality in modern politics embody the conformity of political course with national and state interests and the achievement of national security.

Key words: politics, morality, moral choice, ethics of responsibility, global political transformations of the 21st century.

Мораль — общественный феномен, имеющий универсальный характер. Возникновение и существование морали в обществе развивается по линиям переплетения ее общественной значимости и личного выбора человека между добром и злом, справедливым и несправедливым, способности следовать совести и долгу. Применительно к личному моральному выбору часто используют понятие «нравственность», однокоренное со словом «нравы».

Взаимодействие политики и морали, вопросы морального выбора в политике проблематизировались на протяжении практически всей истории политической мысли. Спектр трактовок указанного взаимодействия широк: от полной бескомпромиссности идеализированного понимания морали и необходимости следования ей политикам — к специфичности морального выбора в политике и политиками в силу ответственности за судьбы государств и народов, а также обладания монополией на принуждение и насилие, к прагматической трактовке морального выбора. При этом подчеркнем, онтологически, сущностно мораль имеет универсальный общечеловеческий характер, закрепляя принципы гуманизма. Мы не говорим о политической или какой-либо подобной морали, а именно о Морали, об определении политики в отношении морали. «Мораль, право и политика образуют одновременно те три основные формы, в которых выражается всякий социальный прогресс. Мораль отражает противоречие внутри социума между личными и структурными его интересами» [1, с. 40].

Проблемы морального выбора в политике, соотношения политики и морали традиционно были одним из ключевых вопросов политической философии в разные исторические периоды. Известность в этом плане получили труды Платона, Аристотеля, представителей средневекового богословия, труды Н. Макиавелли, И. Канта, Ф. Ницше, М. Вебера. Отмечается вклад мыслителей, которых относят к экзистенциалистам (Ж.-П. Сартр, А. Камю, Н. Бердяев), а также постмодернист-

ского направления социально-гуманитарных исследований. Среди российских исследователей значимые публикации принадлежат следующим авторам (в алфавитном порядке): Р. Г. Апресян, К. С. Гаджиев, А. А. Гусейнов, Б. Г. Капустин, А. С. Панарин, А. В. Разин, С. Е. Руженцев, С. Л. Франк, К. Г. Фрумкин и др. Д. И. Петросян (1995) защитил диссертационную работу по философским наукам, посвященную политической этике. Учебные пособия «Политическая этика» были опубликованы Е. Л. Дубко (2005), О. В. Омеличкиным (2012). Среди белорусских авторов вклад в изучение морали внесли Е. В. Беляева, А. С. Лаптенко, И. Н. Сидоренко. Известность получили работы западных авторов М. Дж. Сендела (Сендел, М. Дж. *Общественная философия: Эссе о морали в политике*, 2005), Дж. Лакоффа (Лакофф, Дж. *Моральная политика: как мыслят либералы и консерваторы*, 1996). Издан и ряд вторичных публикаций по тематике соотношения политики и морали.

В явной, проработанной форме проблемы морального выбора в политике представлены в трудах Н. Макиавелли. Расхожая трактовка его взгляда на роль морали в политике такова: политика аморальна, в политике все средства хороши, цель оправдывает средства. Известный специалист в области этики А. А. Гусейнов следующим образом раскрывает уроки Макиавелли: «Он не отказывается от самих понятий добра и зла, добродетели и порока. Жестокость, скупость, обман, лицемерие не перестают быть жестокостью, скупостью, обманом, лицемерием, то есть нравственно неприемлемыми способами поведения из-за того, что они служат пользе государства. Макиавелли далек от того, чтобы переименовывать эти моральные деструкции и называть зло добром» [2, с. 12]. Разделяем выводы А. А. Гусейнова об ошибочности приписывания Макиавелли тезиса о том, что «в политике все средства хороши»: «Позиция Макиавелли иная: жесткие действия входят в обязательный арсенал средств политико-государственной деятельности, более того, принципиальный отказ от них, а также неспособность сознательно пользоваться ими неизбежно оборачивается для политики разрушительными последствиями. Макиавелли обосновал и теоретически санкционировал (не воспел...) аморализм в политике, но не аморализм политики» [2, с. 20].

Приведем несколько цитат из «Государя» Макиавелли: «И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя и, наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность» [3]. Здесь мы видим диалектический подход к морали. Казалось бы, такой подход является манипулятивным. Однако Макиавелли четко показывает различие глубинной сути политики, стратегического развития государства и меняющейся политической ситуации. Мыслитель также разграничивал политические действия и качества, необходимые для политика. «Надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым — и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо» [3].

Непосредственное внимание проблеме соотношения этики и политики уделял М. Вебер. Им была сформулирована проблема «этоса политики как «дела» или вопрос: «Каково же действительное отношение между этикой и политикой? Неужели между ними, как порой говорилось, нет ничего общего? Или же, напротив, следует считать правильным, что «одна и та же» этика имеет силу и для политического действия, как и для любого другого?» [4, с. 694]. Вебер решает проблему предельно ясно и четко: «Всякое этически ориентированное поведение может подчиняться двум фундаментально различным, непримиримо противоположным максимам: оно может быть ориентировано либо на «этику убеждения», либо на «этику ответственности». Не в том смысле, что этика убеждения оказалась бы тождественной безответственности, а этика ответственности — тождественной беспринципности» [4, с. 696]. И далее: «Ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение «хороших» целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться и с использованием... по меньшей мере опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью побочных следствий» [4, с. 697]. Вебер пишет: «Главное средство политики — насилие, а сколь важно напряжение между средством и целью с этической точки зрения... <...> ...Невозможно напялить один колпак на этику убеждения и этику ответственности...» [4, с. 697–698]. Нельзя в очередной раз не процитировать виртуозно сконструированное глубокое высказывание М. Вебера: «Кто хочет заниматься политикой вообще и сделать ее своей единственной профессией, должен осознавать данные этические парадоксы и свою ответственность за то, что под их влиянием получится из *него самого*. Он, я повторяю, спутывается с дьявольскими силами, которые подкарауливают его при каждом действии насилия» [4, с. 703]. Подобную точку зрения разделяет российский ученый А. В. Облонский, когда пишет: «С моральной точки зрения главное качество, которое должно определять «профпригодность» политика, — чувство и сознание социальной ответственности за свои действия и слова», «...моральные добродетели частной жизни (например, такие как застенчивость, нежелание привлекать внимание к собственной персоне) не всегда являются добродетелями в жизни политической» [5, с. 93].

Таким образом, в политике применима этика ответственности. Этика ответственности близка этике долга. Раскрытие и понимание этики ответственности — рецепт против редуцированного упрощенного понимания взаимодействия политики и морали. Приведем здесь цитату Ю. Г. Маркова: «В ходе истории политика неоднократно осуществлялась с игнорированием нравственных оценок, но подлинный успех деятельности властных структур достигался лишь в условиях моральной оправданности принимаемых решений» [6, с. 102].

Чтобы раскрыть особенности морального выбора в политике в условиях глобальных политических трансформаций XXI в., следует уделить внимание развитию морали.

Мораль, точнее, моральные системы исторически развиваются. Дж. Ролз, рассматривая моральные принципы как основу согласия по поводу трактовки справедливости, разграничивал следующую эволюцию: примитивная мораль, мораль ассоциаций, мораль принципов. Ролз считал, что моральные принципы — предмет рационального выбора, что коррелирует с ригористической этикой И. Канта. Кантианский ригоризм — основа морали принципов. В трактовке Ролза Кант утверждал, что моральные принципы имеют всеобщий характер, а также что человек автономен, когда «принципы его действий выбираются им как наиболее адекватное выражение его природы как свободного и рационального существа» [7, с. 224].

Белорусский исследователь Е. В. Беляева провела типологию систем моральной регуляции: до-моральная система регуляции; первоначальная традиционная и религиозно-традиционная нравственность; современная нравственность; нравственность постмодерна; неотрадиционная нравственность [8]. В динамике систем нравственности Е. В. Беляева выявила две тенденции: а) фундаментализм — «имитация традиционной нравственности вне-моральными регулятивными механизмами»; б) неотрадиционализм — «избирательная реактуализация элементов традиционной нормативно-ценностной структуры с помощью современного и постмодерного способов регуляции» [8].

Значительное внимание историческим формам морали уделит российский исследователь А. В. Разин: «В Средние века огромному разбросу нравственных решений, характерных для Античности, был противопоставлен божественный абсолют как единый авторитетный источник морального добра» [9, с. 69]. «В XVII в. моральные теории отражают сложности процесса возникновения капиталистического общества, неуверенность человека в своей судьбе и вместе с тем поощряют инициативу, направленную на практические достижения. В этике... высшее нравственное бытие осмысливается через сугубо рациональные конструкции» [9, с. 71].

Мораль Нового времени («современная нравственность»), будучи рационализированной, достигла относительного единообразия, по крайней мере, в социально-классовом измерении. Современная нравственность опиралась на разделение публичной и частной сфер жизни. Все это позволяло выдвигать к политикам достаточно четкие требования следования этике ответственности.

Моральная регуляция XXI в. становится пластичной, гибкой. Следующие черты моральной регуляции в наибольшей степени свойственны западным обществам: получают распространение моральный плюрализм и релятивизм; размывается граница публичной и частной сфер жизни, ранее закрытая частная жизнь зачастую нарочито выставляется напоказ; устоявшиеся ценностные системы разрушаются, порождая «культуру отмены»; в массовом сознании доминируют утилитаристская этика и стандарты индивидуального поведения в логике «наименьшего зла»; на моральные регуляторы влияют алгоритмы социальных сетей и шире — искусственного интеллекта. Здесь уместно привести цитату В. И. Попова: «Моральность политики не тождественна общественной морали, представления о которой формируются в массовом сознании... оценки происходящих в политике событий с позиций общественной морали могут радикально отличаться от официальных оценок политических руководителей... В данном случае основной критерий нравственности другой. Суть его — в соответствии политического курса национальным, государственным интересам» [10, с. 147].

Нравственность обществ, достигших состояния постмодерна и метамодерна, фундаментальна идеями толерантности и имеет плюралистический характер. С одной стороны, это способствует реализации свободы, с другой — ведет к расколам нормативно-ценностного основания общественного единства и моральному релятивизму. В XXI в. грань между публичной и частной сферами меняется в сравнении с подобной границей в эпоху модерна. Ранее закрытая от публичности частная жизнь выставляется напоказ. Мы наблюдаем тенденцию роста общественных требований к морально-этическому облику значимых игроков в сфере политики и государственных служащих при снижении требований человека по отношению к самому себе.

Современные исследователи отмечают тенденцию к институционализации морали в форме корпоративной этики: этики (этических кодексов) государственных служащих, медицинских работников, преподавателей, учителей, юристов и т. д. «Многие современные корпорации вырабатывали свои этические кодексы, провозгласили собственные нравственные миссии, в которых

отражается то, как деятельность данной корпорации способствует возрастанию общественного блага в целом...» [9, с. 82]. Такого рода моральная трансформация по отношению к политической этике означала следование политической корректности. В русскоязычной политологии одно из наиболее полных определений политической этики принадлежит К. С. Гаджиеву. Политическая этика определена им как «нормативная основа политической деятельности, касающаяся справедливого устройства общества и государства, взаимные права и обязанности руководителей и граждан, разумное соотношение свободы и равенства» [11, с. 35]. Приведенное определение содержит важнейшее понятие, раскрывающее суть морали, — справедливость. Справедливость — это и общественная ценность, и идейная основа морали и права, поскольку является социальным и индивидуальным идеалом. Справедливость — категория нормативная. И, как уже было показано многими мыслителями (к примеру, Дж. Ролзом), справедливыми могут быть признаны различные типы устройства обществ, могут формироваться различные типы легитимности власти.

Вернемся к тем моральным требованиям, которые выдвигаются к политике и политикам. Дж. Лакофф в книге «Моральная политика: как мыслят либералы и консерваторы» утверждает, что консерваторы и либералы исходят из разных концептуальных моделей морали, а их специфику можно изучать при помощи опросов, ориентированных на выявление метафор, отражающих моральные взгляды. Консерваторы во взглядах на мораль придерживаются модели «строгого отца», а либералы — «заботливого родителя». Лакофф сделал вывод, что взгляды индивида на политические вопросы во многом определяются тем, какую из моделей он разделяет [12]. М. Келоз считает, что в «этике результирующая дихотомия принимает форму дуализма моральных принципов и благоразумия. В политике она принимает форму дуализма принципа и интереса» [13]. То есть мораль должна выступать противовесом конкуренции и борьбе различных политических интересов. Б. Энке отмечает, что политические разногласия имеют не чисто экономический, но и моральный характер. Указанный автор поднимает вопрос о междисциплинарности политической экономики и этики [14].

Для выявления особенностей взглядов на соотношение морали и политики может быть применен ассоциативный эксперимент (АИ). В марте 2026 г. нами был проведен ограниченный АИ в учебной группе студентов-политологов БГУ, в котором приняли участие 18 респондентов. Ответы были анонимными, точное количество слов-ассоциаций не определялось. Выявлялись ассоциации на следующие слова-стимулы и словосочетания-стимулы: мораль; политика; мораль и политика; современные международные отношения; мораль и современные международные отношения. Определялось *ассоциативное ядро* по указанным языковым стимулам, далее в нем был выделен ассоциативный фокус. В части статьи, где представлены результаты АИ, наклонными линиями разделены близкие по смыслу ассоциации, а также подсчитано их общее количество. Группы слов-ассоциаций разделены точкой с запятой («;»). Однократное упоминание слова не индексируется (1) для простоты восприятия текста. После знака «=» указано совокупное число максимально близких по смыслу упоминаний.

Ассоциативное ядро слова-стимула «*мораль*» включило:

- нравственность (6 упоминаний) / принципы (2) = 8 упоминаний;
- правило (4) / регулятор (2) / порядок (2) = 8;
- справедливость (4) / гуманность (3) / человечность = 8;
- добро / хорошее = 5;
- совесть / совесть = 5;
- правильность (2) / право (2) / разрешение = 5;
- правда (2) / честность / искренность = 4;
- что-то возвышенное (2) / небо = 3.

Ассоциативное ядро слова-стимула «*политика*» следующее:

- государство, Президент = 13;
- власть (10) / влияние / сила / воля = 13;
- управление (4); лидеры (3) / карьера = 8;
- решение (2); идеология (2); партия (2) = 6;
- глобальный / международная арена = 5;
- конфликты (2) / война (2) / жестокость = 5;
- обман / хитрость / маневры = 4;
- борьба = 3.

Ассоциативное ядро словосочетания-стимула «*мораль и политика*»:

- справедливость (5); честность (3) / правда / адекватность / объективность = 11;
- общественный идеал / гуманность / гуманизм / этика власти / народ / личность / человек / служение народу = 8;
- власть (2) / законность (2) / сотрудничество (2) / согласование / соотношение = 8;

- конфликт (2) / противоречие / антагонизм (3) / сила (2) = 7;
- отсутствие соблюдения норм / взаимоисключение, несовместимы / неэффективность = 3;
- утопия (2) / идеализация = 3;
- вопрос (2) / дилемма = 3;
- Вебер / Макиавелли = 2.

Ассоциативное ядро словосочетания-стимула «*современные международные отношения*»:

- конфликты (5) / противоречие (2) / напряжение (2) / кризис = 10;
- санкционная война / санкции (2) / война (4) = 7;
- интерес (2) / выгода (2) / рынок / ТНК / лоббизм = 7;
- хаос (2) / хаотичность / дестабилизация / неразбериха (2) = 6;
- отсутствие морали / отсутствие регулирования / нарушение / беспредел = 4;
- лицемерие (2) / хитрость / двуличность = 4;
- сотрудничество / переговоры / многополярный мир / многополярность = 4;
- Россия / Китай / США (2) = 4;
- сложность (2) / запутанность = 3;
- разрыв / разлом / локальность конфликтов = 3;
- глобализация = 3.

Ассоциативное ядро словосочетания-стимула «*мораль и современные международные отношения*»:

- отсутствие безопасности (2), отсутствие ответственности и добрососедства / не соотносятся / несовместимость / невозможность / взаимоисключение / антонимы = 8;
- санкции / давление / вторжение / холодная война / военные конфликты (2) = 6;
- конфликт ценностей / интересы / противоречие / разрыв / борьба = 5;
- нарушение устоев (3) / несоответствие / насмешка = 5;
- право сильного (2) / неравенство (2) = 4;
- несправедливость (3) / ущемление = 4;
- гуманизм (3) / справедливость = 4;
- двойные стандарты / популизм = 2;
- межгосударственный диалог / переговоры = 2.

«Ассоциативный фокус» (наиболее частые упоминания в ассоциативном ядре), отражающий соотношение морали — политики — международных отношений, выглядит следующим образом.

Ассоциативный фокус слова-стимула «*мораль*» включает: нравственность и принципы; право, регулятор, порядок; добро; совесть; правильность, право; правда, честность, искренность. Таким образом, слово «мораль» вызывает позитивные ассоциации.

Ассоциативный фокус слова-стимула «*политика*»: государство, Президент; власть / влияние / сила / воля; управление; лидеры / карьера — отражает ведущую роль государства и Президента в политической системе Республики Беларусь.

«*Мораль и политика*» наиболее часто ассоциируется со справедливостью; честностью, правдой. В число конструктивных ассоциаций о взаимоотношениях политики и морали вошли: общественный идеал / гуманность / гуманизм / этика власти; связь / сотрудничество / согласование / соотношение; власть / законность. Далее идет «конфликтный ряд»: конфликт / противоречие. Ассоциации конструктивного ряда «мораль и политика» доминируют по отношению к конфликтным.

«*Мораль и современные международные отношения*»: в конфликтный ряд вошли следующие ассоциации:

- отсутствие безопасности, ответственности, добрососедства / несовместимость / невозможность / антонимы;
- конфликт ценностей / интересов / противоречие / разрыв / борьба;
- право сильного / неравенство; несправедливость / ущемление.

Конструктивные ассоциации на словосочетание «*мораль и современные международные отношения*» представлены лишь ответами: гуманизм и справедливость; межгосударственный диалог / переговоры.

Проведенный АИ показывает прочность понимания сути морали как таковой: ассоциативный ряд категории «мораль» отличается позитивной социальной ориентацией. В ряду ассоциаций по отношению к словосочетанию «*мораль и политика*» конструктивные ассоциации доминируют к конфликтным. А вот ассоциации к «*мораль и современные международные отношения*» продемонстрировали ощущения несовместимости международных отношений и морали, опасности, конфликтности, разрыва, неравенства и несправедливости. Даже ограниченный ассоциативный эксперимент продемонстрировал, что эпоха глобальных политических трансформаций XXI в. (смены модели системы международных отношений) характеризуется отсутствием не только безопасности, но и доверия, ответственности; представлениями о глобальном неравенстве и несправедливости, доминировании права сильного. А ведь именно моральные устои фун-

дируют любое социальное устройство, укрепляя социальное доверие, способствуя достижению справедливости.

Идея универсальности морали, обоснованная в XVIII–XIX вв. под влиянием идей И. Канта, Дж. Ст. Милля, утверждала существование общечеловеческих принципов добра и справедливости вне зависимости от культурных различий. Эти принципы были положены в основу Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Однако XXI в. выявил, что универсальность, а точнее нереализованная универсальность, стала источником конфликтов и акцентирования цивилизационных ценностных оснований. Глобальные политические трансформации XXI в. привели к изменению ценностных и структурных оснований общества. Кроме того, цифровизация влияет на изменение моральных основ политики. Российские исследователи А. Н. Сунами и Е. В. Павлова отмечают: «Результат воздействия эластичности цифрового общества на моральные основания политики раскрывается через линзу нарастающей мозаичности дискурсивных образов элементов политической системы и смещения на периферию тех политических феноменов, которые обладают жесткой ценностно-нормативной структурой... В условиях цифрового общества сложный комплекс моральных оснований политики имеет выраженную тенденцию к схлопыванию до пределов наиболее актуализированных форм проявления ценностей в виде идеологий-чувств массового сознания, в то время как более высокие эшелоны ценностей естественным образом атрофируются...» [15, с. 33].

Анализируя трансформацию моральных норм в цифровую эпоху, эпоху искусственного интеллекта, Е. А. Коваль и М. Д. Мартынова прогнозируют: «Если количество пользователей большими языковыми моделями будет расти, как и частота их использования, можно предположить, что стереотипы общества, в котором собраны данные для обучения модели, будут постепенно вытеснять стереотипы, сформированные в процессе моральной социализации личности пользователя. Это серьезный вызов моральной автономии» [16, с. 107].

Отметим сложившиеся представления о структуре морали: высшие моральные ценности (добро, справедливость, смысл жизни, счастье); моральные принципы (коллективизм, патриотизм, трудолюбие, альтруизм, солидарность); нормы нравственного поведения (не убий, не укради, не лги); моральные качества (честь, достоинство, благородство, великодушие; доброта, отзывчивость). Хотя нравственный выбор по-прежнему есть различие добра и зла, следование совести, к высшим моральным ценностям в XXI в. относят ценности социального и карьерного успеха, эффективности. К моральным принципам — автономии личности, самореализацию, экологизм. К нормам нравственного поведения — не нарушай корпоративную этику.

Выводы

Установочным тезисом данной статьи было утверждение универсального характера морали. Рассмотрение морали в исторической эволюции показывает, что первоначально моральные принципы распространялись на членов племени/общины, в дальнейшем линии различий моральной регуляции проходили по сословным, религиозным, этническим, классовым и цивилизационным признакам. Идея универсальности морали утверждает существование общечеловеческих принципов добра, справедливости, долга, ответственности. Различия моральной регуляции, не говоря о различиях в трактовке моральных принципов (уважение человека и человеческой жизни, сострадание/милосердие, честь, достоинство, долг, справедливость, честность), приводят к противоречиям и конфликтам. Западные сторонники кризиса антропоцентризма и защитники морального релятивизма подвергают сомнению идеи гуманизма и общечеловеческих ценностей. Тенденция к институционализации морали в виде ряда профессиональных этик, становление цифровой этики упрощают глубинный смысл моральных принципов. Подобного рода этики распространяются на определенный круг лиц, имеют скорее локальный, нежели всеобщий характер. Б. В. Марков акцентирует: «Мораль и этика — это слова разных языков... Этика происходит от этоса — набора таких социальных добродетелей, как патриотизм, мужество, забота и защита слабых, власть и достаток. Мораль определяется по-христиански как самопожертвование, терпение, прощение» [17, с. 512].

Мораль при условиях единства ценностной системы и следования ей на социальном уровне формирует системное единство социума. Политические трансформации XXI в. связаны с изменением морали в силу ряда вызовов: моральный релятивизм, инструментальность корпоративной этики, продолжающиеся попытки разрушения государственного суверенитета под лозунгами защиты прав человека (в их либеральной трактовке), разрушение традиционных ценностей, которое закладывается в ответы ряда платформ искусственного интеллекта (поощрение поляризации мнений, общественного недовольства, подрыв исторической памяти). Цифровизация и использование технологий искусственного интеллекта влияют на изменение моральных основ политики. Опасность для политической морали в условиях цифровизации составляют алгоритмизация принятия решений, создание фейков, стирающих грани правды и лжи, планомерное размывание традиционного ценностного базиса того или иного народа. Однако критерии нравственности в современной политике воплощают соответствие политического курса

национально-государственным интересам и достижению национальной безопасности. Требуется дальнейшая междисциплинарная научная разработка фундаментальных моральных принципов, которые все же могут быть признаны универсальными.

Статья подготовлена в рамках НИР ГПНИ «Разработка междисциплинарного подхода для подготовки специалистов-политологов в Республике Беларусь».

Список использованных источников

1. Доронина, Н. Г. Мораль и политика в управлении государством / Н. Г. Доронина // Мониторинг правоприменения. — 2013. — № 1. — С. 39–43.
2. Гусейнов, А. А. Мораль и политика: уроки Макиавелли / А. А. Гусейнов // Философский журнал. — 2014. — № 2 (13). — С. 5–23.
3. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли; пер. с итал. Г. Муравьевой. — М.: Планета, 1990. — 84 с.
4. Вебер, М. Избранные сочинения / М. Вебер. — М., 1990. — С. 644–706.
5. Оболонский, А. В. Политическая этика, власть, право / А. В. Оболонский // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2007. — № 1. — С. 80–104.
6. Марков, Ю. Г. Сложности морального выбора / Ю. Г. Марков // Философия и общество. — 2016. — № 1 (78). — С. 96–103.
7. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз; пер. с англ. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. — 535 с.
8. Беляева, Е. В. Динамика систем нравственности: специфические и общие закономерности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.05 / Беляева Елена Валериевна; Бел. гос. ун-т. — Мн., 2020. — 58 с.
9. Разин, А. В. Исторические формы морали и современная этика / А. В. Разин // Философия и общество. — 2017. — № 1 (82). — С. 61–91.
10. Попов, В. И. Мораль и политика: взаимоотношение в массовом сознании / В. И. Попов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. — 2022. — № 2 (34). — С. 139–150.
11. Гаджиев, К. С. Этика и политика / К. С. Гаджиев // Мировая экономика и международные отношения. — 1992. — № 3. — С. 35–51.
12. Lakoff, G. Metaphor, Morality, and Politics, Or, Why Conservatives Have Left Liberals In the Dust / G. Lakoff // Social Research. 62:2. — 1995. — URL: <http://www.wvcd.org/issues/Lakoff.html> (дата обращения: 26.03.2026).
13. Queloz, M. Moralism as a Dualism in Ethics and Politics / M. Queloz. // Political Philosophy. — 2024. — № 1 (2). — URL: <https://politicalphilosophyjournal.org/article/id/17532> (дата обращения: 26.03.2026).
14. Enke, B. Morality and political economy from the vantage point of economics / B. Enke // PNAS Nexus. — 2024. — Oct 15. — № 3 (10). — P. 309. — URL: https://benjamin-enke.com/pdf/Morality_PE.pdf (дата обращения: 26.03.2026).
15. Сунами, А. Н. Моральные основания политики в условиях эластичного цифрового общества: перестанут ли ценности иметь значение? (Часть 1) / А. Н. Сунами, Е. В. Павлова // ПОЛИТЭКС. — 2024. — № 1. — С. 33–44.
16. Коваль, Е. А. Трансформация моральных норм и ценностей в эпоху больших данных / Е. А. Коваль, М. Д. Мартынова // Этическая мысль. — 2024. — Т. 24, № 2. — С. 105–119.
17. Марков, Б. В. Мораль и право в цифровом обществе / Б. В. Марков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. — 2022. — Т. 38, вып. 4. — С. 512–524.

31.03.2026